

Фредерик Нейрат

ГЕОКРИТИКА КАПИТАЛИЗМА¹

Рецензия на: David Harvey. *Géographie de la domination*. Trad. et introduction Nicolas Vieillescazes. Les Prairies ordinaires, coll. Penser/Croiser, Paris, 2008, 128 p. (Дэвид Харви. География господства)².

«Разрушить пространство с помощью времени» — таков географический императив капитализма, сформулированный Марксом в середине XIX века, в знаменитых «Grundrisse» («Экономические рукописи»). Но знаем ли мы на самом деле, что было разрушено? Если прочесть работы, которые пытаются понять и описать, как действует капитализм, можно прийти к выводу, что наша способность осмыслять пространство серьезно пострадала. Здесь — слепое пятно наших теорий. Геокритика Дэвида Харви позволяет выяснить происхождение этой слепоты.

Дэвид Харви, преподаватель антропологии в Университете Нью-Йорка, без сомнения, ведущий представитель нового подхода к географии, «радикальной географии». В ней капитализм рассматривается, как Великий Конфигуратор. Чтобы обеспечить себе возможность выполнять функцию вампира, капитализм сначала должен обустроить пространство. Тем самым он поддерживает свою паразитическую активность. Как это происходит, Дэвид Харви демонстрирует в своих многочисленных работах, таких как «Условие постмодерна» (*The Condition of Postmodernity*. Blackwell, 1989), «Париж, столица постмодерна» (*Paris, Capital of Postmodernity*. Routledge, 2003) или «География господства» (*Géographie de la domination*), составленная из фрагментов книги «Пространства капитала» (*Spaces of Capital*. Routledge, 2001).

1. Frédéric Neyrat. *Géo-critique du capitalisme*. *La revue internationale des livres & des idées*. Mai-juin 2008. №5. P. 48–51
2. Дэвид Харви — географ, профессор антропологии в Университете Нью-Йорка (CUNY). Как социальный теоретик, он переосмыслил отношения между экономикой и пространством. В своих критических работах он обращает особенное внимание на организацию и структуру городов современности, детерминированных капитализмом. Он является главной мировой фигурой нового подхода к географии: радикальной географии (*radical geography*). В числе его недавних публикаций — «Spaces of Global Capitalism: Toward a Theory of Uneven Geographical Development».

Как раз в последней работе, которая первой представляет его идеи французским читателям, Дэвид Харви анализирует непоследовательную, противоречивую по своей сути цель капитализма: *разрушить* пространство посредством *производства* пространства (глава 2) и сделать культурные товары *соизмеримыми* на основании их несравненной *специфичности* (глава 1). Остается понять, действительно ли здесь имеются противоречия.

Предпочтение, которое и Маркс, и Вебер, и Дюркгейм отдавали времени и истории перед пространством и географией, было бесспорным в ту эпоху, когда писались их труды. Ведь пространство сначала появляется в форме помехи для создания великого мирового рынка: устранить пространство через время означает «свести к минимуму то время, которое требуется для перемещения от одного места до другого» (Карл Маркс. Экономические рукописи, 3. Глава «Капитала»). В этом смысле, говорит нам Дэвид Харви, Маркс был прав, когда поставил время перед пространством (с. 86), так как именно это и произошло: пространство удвоилось благодаря времени, и самое первое явление в цепи трансформации — это ускорение изменений, разгон механизма по экспорту и импорту товаров.

Маркс не ошибался, он просто еще не знал. А если бы знал, то, будучи хорошим диалектиком, заметил бы, что истина его теории скрывает от него теорию истины. Ведь для того, чтобы *разрушить* пространство, капитализм должен *произвести* пространство. Именно начиная отсюда и можно отсчитывать решающий вклад Дэвида Харви: «для преодоления пространства необходима пространственная организация». «Историческая география капитализма», сведенная в «историко-географический материализм» (с. 85–86), чувствительная к этой диалектике противоречий, которую мы продемонстрировали даже в отношении самого Маркса, должна учитывать эту организацию пространства. Здесь, как и в «Условиях постмодерна», Харви переворачивает формулу Шумпетера, говоря о «творческом разрушении»: именно производство пространства делает возможным его уничтожение. В некотором смысле Харви даже ловит на слове Ги Дебора, который никогда не проявлял слепоты к пространству и писал в своем «Обществе спектакля» (*La Société du spectacle*), что капитализм «сейчас может и должен переделывать все свое пространство, как собственную декорацию»³ (гл. VII, § 169).

С феноменальной точки зрения этот подход к пространству в терминах противоречий нельзя опровергнуть. Но насколько он учитывает реальную пространственную конфигурацию капитализма? И не маскирует ли он другое противоречие, другую слепоту, гораздо более страшную: что, если это пространственное противоречие для капитализма не больше чем *поверхностный эффект*?

ПРОСТРАНСТВО КАПИТАЛИЗМА

Чтобы ускорить время, то есть изменения, нужно располагать инфраструктурой, средствами транспортировки, железными дорогами и адекватными технологиями. Эти технологии должны быть внедрены — даже Интернет требует подобной материализации. А такое внедрение всегда подразумевает погружение в некий котел, где бурлит экономическая и социальная жизнь, будь то город, городская сеть, регион. «Непрерывность потока» требует «зафиксированных пространственных конфигураций», пишет Харви. Вот в чем, говорит он, фундаментальное «противоречие». Геокритика Дэвида Харви стремится проследить метаморфозы этого противоречия, через демонстрацию того, как снова и снова капиталисты пытаются его разрешить, и как это противоречие, словно феникс, систематически возрождается на своем бетонном фундаменте. В самом деле, если для того, чтобы материализовать рынок и поток, капитализму нужно внедриться в некое пространство, то «структурная связность», которая при этом развивается и структурирует производство и потребление, предложение товаров и спрос на труд, формы классовой борьбы, культуру и т. д., — не может долго продержаться. Капиталистическое производство стремится к сверхнакоплению, к поиску новых рынков, к сбыту на новых территориях, к переходу границ и в этом смысле к разрушению любой региональной стабильности, любой связности (с. 89–90).

Таким образом, настоящий вопрос таков: как «какая-либо региональная связность может продолжать свое существование?» Ответ: производством «пространственной фиксации», которую Николая Вьейказе, которому мы обязаны переводом труда Харви на французский язык, определяет для нас как некий бриколаж, «вынужденное решение» (с. 81), «ловкий прием», который окончательным образом ничего не решает, но поддерживает на какое-то время развитие капитализма — до того момента, как напряжение и противоречие снова не выступают на поверхность.

Вот это и приводит нас к первой проблеме: если, как ясно указывает нам Дэвид Харви, нужно быть внимательным к предметам и к географии, то какой вид пространства производит капитализм? Когда Харви пишет, что «способность преодолевать пространство зависит от производства пространства» (с. 94), и именно здесь он находит противоречие или «парадокс», то при этом он даже не придерживается однозначной концепции пространства. С одной стороны, в нем есть «социальные и физические фиксированные структуры, прочные и по большей части неподвижные», а с другой стороны — потоки. И эти потоки переносят неподвижное и стабильное, экспортируя его или разрушая, если нужно, даже при помощи войн.

Эта выявленная нами двойственность, возможно, не продержится до конца анализа. По крайней мере, это гипотеза, которую нам хотелось бы сформулировать. Ведь способ производства «пространства, обреченного на исчезновение» формирует это пространство как нечто *уже* разрушенное, *уже* израсходованное, *уже* разжиженное.

3. Перевод Болеслава Немана. — Прим. перев.

Таким образом, Дэвид Харви не совсем ошибается, когда говорит, что капитализм производит пространство — только это пространство одноразовое, бросовое, «junkspace», если воспользоваться выражением архитектора Рема Колхаса, употребленным в контексте современной урбанистики. Так что можно сказать: капитализм производит пространство, *не производя места*, или еще: капитализм производит не-место, производя пространство, запрограммированное для производства. В самом деле, «место» можно определить как *символическое допущение пространства*; оно вписывается в измерение языковое (а не только информационное), историческое (а не только утилитарное), публичное (а не только рекламное). Если пространство — нечто измеряемое, метрическое, то место определяется через свою не-метричность, неизмеряемость. Как сказал географ Жак Леви, место — это «пространство, определяемое по не-уместности в нем расстояния».

В этом смысле нам не кажется, что противоречие капитализма действительно существует: противоречие появляется, *если* урбанизм и его репродуктивные модули не развенчивают архитектуру, *если* пространство, произведенное капитализмом, действительно предназначено для существования во времени. Однако это не так. Просто капитал задается целью зафиксировать время в пространстве, которое уже ничего не значит — и все готово для его последующего расслаивания. Или, говоря яснее: пространство капитализма не имеет места. Что соответствует определению Дубаи, которое дал в своем анализе Майк Дэвис: это «встреча Альберта Шпеера и Уолта Диснея на берегах Аравии» (Le Stade Dubai du capitalisme. Paris, Les Prairies ordinaires, 2007).

БОЛЬШИЕ РАСХОЖДЕНИЯ И МЕЛКИЕ РАЗЛИЧИЯ

Мы подберем вопросительные зацепки такого же рода и для анализа противоречий, связанных с коммерциализацией культуры, который занимает первую главу «Географии господства». Двойное ограничение, которое касается пространства культуры, выражается так: получить прибыль можно лишь с коммерциализированного культурного объекта, ставшего сравнимым с другими товарами, но при этом ценность культурного объекта заключается в его несравнимости и уникальности. Если объект воспроизводится, он теряет свою уникальность, и от этого его меновая стоимость уменьшается. Это — проблема «ренды с монополии» в самом общем виде: рента с монополии существует «когда социальные акторы в течение долгого времени способны повышать свои доходы благодаря исключительному контролю над некоей категорией товара, эксплуатируемой прямо или косвенно, и которая должна быть в некоторых отношениях уникальной и невоспроизводимой» (с. 24–25). Какие проблемы здесь возникают? Например: «чем больше Европа диснейфицируется, тем больше она теряет своей уникальности и особенности» (с. 28). В этом опасность глобализации, мирового рынка, где все можно обменивать с большой скоростью и где стоимость перемещения не берется в расчет (что рискует измениться с наступлением дефицита природных материалов, которое нам обещают).

Чтобы избежать этой распространенной тенденции к гомогенизации, капитализм должен создавать силу различия, разделения (между теми, кто обладает, и теми, кто не обладает) и тем самым поддерживать ренту: отсюда патенты и права на интеллектуальную собственность (с. 32–33). Основной тезис Дэвида Харви звучит так: «развитие транспорта и коммуникаций, уменьшение всех торговых барьеров приводит к общему спаду других свойств монополии, и основой ренты с монополии становится классовая борьба за коллективный символический капитал» (с. 45). Следовательно, сократить инвестиции в недвижимость лишь из-за повышения туристической активности невозможно. Сама эта активность представляет собой следствие структурного изменения капитализма, который может продлить свое существование лишь инвестируя в то, что еще способно сопротивляться разрушению, а не в то, что он сам создает. Вот почему, говорит нам Дэвид Харви, крупные финансовые институции, например, вкладывают деньги в музей Гугенхайма в Бильбао, спроектированный архитектором Фрэнком Гери.

Остается узнать, снимаются ли эти противоречия в конце концов. Сперва отметим, что Харви заранее отвечает тем, кто захотел бы его упрекнуть в «явном редуционизме». Он утверждает, что говорит просто о том, а это нам представляется неоспоримым, что капитал должен «поддерживать некую форму дифференциации и позволять развиваться культурным расхождениям». Действительно, любой однобокий редуционистский подход различий не видит, а видит лишь гомогенизацию и разрушение пространства временем. Так что утверждение Харви неопровержимо. Однако какие различия поддерживает капитализм? Здесь все очень ясно: по нашему мнению, противоречие снимается, если констатировать, что капитализм поддерживает лишь *мелкие различия*, а не *большие расхождения*: «эстетика культурного партикуляризма» (с. 54), которую приписывают тому или иному пейзажу, городу, памятнику, вину или атмосфере, ни в чем не противоречит плоскому универсализму капитализма. Как прекрасно показал Вим Дельвуа в своем труде «Происхождение видов» (Wim Delvoye. On the origin of Species) товары фирмы «La Vache qui Rit»⁴ для каждой культуры изменяют, но чуть-чуть, почти незаметно. *Бесконечное варьирование трансформирует уникальность в стереотип*, что может породить еще один, неважно какой стереотип. Но стереотип — это ведь нечто противоположное уникальности. Таким, например, становится архитектурный памятник, если его переделали в то, чем он, предположительно, был в тот момент, когда его впервые воздвигли. Это симулированная аутентичность, аутентичность второй степени.

Однако признать это не значит просто сказать, как делает Дэвид Харви, что существует противоречие или что, если воспользоваться комментарием Николая Вьейказе, «уникальное и сопоставимое становятся двумя сторонами одной медали» (с. 19), тем более, если эта медаль несет знак евро или доллара. Дэвид Харви совершенно прав, побуждая нас увидеть конкретное пространство и предметы такими, какими их произвели. И, действительно

4. На российском рынке — «Веселая буренка». — Прим. перев.

но, надо «сконструировать теорию конкретного и частного в рамках универсальных и абстрактных определений марксистской теории накопления капитала» (с. 85). Мы тоже полагаем, что вопрос *конца* — великий онтологический и политический вопрос нашего времени. Надо только не дать себя обмануть очевидности конкретики.

БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ ТОПОЛОГИЯ КАПИТАЛИЗМА

Вся сложность состоит в том, как соединить *производство пространства* и *паразитическую активность* капитализма. «Идея „культуры“ неразрывно связана с попытками утвердить заново свойства монополии, именно потому, что претензия на уникальность и аутентичность находит свое наилучшее выражение в претензии на то, что культура представляет собой особенную область», пишет Дэвид Харви (с. 33–34). Эта спатиализированная, *спроектированная*, упакованная культура основывается на паразитической активности капитализма, которая ей предшествует, и проявляется, например, в раздаче патентов на традиционно *культивируемые* каким-либо народом растения или в *биопиратстве*. Для фармацевтической или косметической индустрии важна не воображаемая аутентичность места выращивания растения (это вторичное варьирование), а его действительная эффективность (следствия первичного сотрудничества между природой и человеком). Отсюда та критическая важность, которую теоретики когнитивного капитализма придают «битве против нового огораживания» (Yann Moulier-Boutang); отсюда борьба Ванданы Шивы в Индии (сообщают также о создании в 2007 году во Франции рабочей группы по биопиратству, объединяющей ассоциации, защищающие права туземных народов, «France Liberte», «ICRA» и «Paroles de Nature»). Именно отсюда возникает эстетико-политический вопрос, который способен поставить лишь человек, знакомый с уроками марксизма: сколько литров крови нужно было пролить, чтобы построить это здание или этот музей? Конкретно, откуда взялся для него камень? А строительный лес? А защитное ограждение? Культурная эксплуатация начинается, когда чью-либо территорию, практику или место (доступную область) присваивает другой. Если проблема в том, чтобы «вырвать локальные пространства (les espaces locaux) из рук капиталистов и присвоить их заново» (с. 20), то необязательно все присваивать заново, некоторые вещи можно оставить, как они есть, или разрушить, потому, что они построены на крови ограбленного населения. Есть здания, которые не имеют права существовать. И тем самым можно избежать опасности, которую предвидит Дэвид Харви: «местной, региональной или националистической, неофашистского типа политики идентичности» (с. 54). Тем более, когда выясняется, что индийские крестьяне требуют права выращивать рис «басмати», которое было присвоено транснациональной фирмой, не из-за политики идентичности, а из-за того, что они голодают.

Голод, ограбление, разрушение связей с природой... Эти первичные разрушения *указывают*, и очень конкретно, на *пространство*, произведенное капи-

тализмом, который, судя по всему, неспособен участвовать в сотворении *мест*. Безусловно, по этой причине мы задаемся вопросами об экономико-пространственных противоречиях экотехнической системы: если они столь серьезны, как о них думают, то разве капитализм не разрушает сам себя? Ничего, что капиталисты подделают решения, которые на время сдержат удар. Но никакое «фиксированное пространство» не поможет избежать — вопреки всем заявлениям — «повреждения живого», вызванного капитализмом, разрушения *сред* экосферы, о котором Дэвид Харви ничего не говорит в своем эссе. Разрушение (живых) *сред*, безусловно, связано с неспособностью капитализма создавать новые (символические) *места*, чтобы управлять коммерческими обменах между первыми и вторыми. Не анализируя здесь, как это связано, можно предположить следующее: 1) капитализм отрицает существование реальных противоречий, которые могут привести к уничтожению его самого, и нас также — т. е. к экологической катастрофе планетарного масштаба; 2) производство пространства капитализмом — только демонстрация, оно однозначно, оно знает лишь поверхностные противоречия, но игнорирует глубинные. Это, без сомнения, производство пространства без мест, которое позволяет существовать слепоте в отношении *сред*. Расширенная геокритика должна проанализировать природу этой *бессознательной топологии капитала*.

Перевод с французского Андрея Лазарева